

Ольга Валентиновна Гончаренко (д.ф. Лебедева)

Мои воспоминания об Антонове Георгии Николаевиче

*«Выше Фудзиямы, ярче тысяч солнц
Городская художественная школа!»*

Г. Н. Антонов

Осенний день, солнце играет в листве большого тополя, в золотых крыльях грифонов Банковского мостика, в окна художественной школы, отражаясь тысячами бликов в воде. Идем с Георгием Николаевичем вдоль Канала Грибоедова. Иногда останавливаемся, любуемся городским пейзажем с Казанским собором, Домом Книги и Спасом на Крови вдалеке, поднимаем сорванные ветром листья. Большим ключом открываем дубовую дверь школы. Поднимаемся вверх. Умбристый плащ, шляпа – на вешалку. Включаем чайник. В кабинете стулья с мягкой голубой обивкой, над ними на стене в проолифенных рамах висят большие репродукции Гейнсборо «Дама в голубом», «Розы и фиалки» Коровина, византийская икона Архангела Михаила и рядом изображение фараона Тутанхамона. Напротив на другой стене, как и положено портрет Ильича. На столе среди груды разных предметов и бумаг - голова щуки, футляр с пистолетами и телефон. На окне много цветов, к ним привязаны желтые лимоны. Так как окно начинается почти от самого пола, с улицы кажется, что Георгий Николаевич ходит по потолку. Скоро начнут приходить ученики, занятия начинаются в 15.45, а пока мы пьем чай и по радио льется мелодия «Море молодости».

Когда-то, в один прекрасный день в свои шестнадцать лет я впервые переступила порог школы. Был 1973 год. Так же играло солнце в золотой листве, с веселым настроением поднялась по лестнице с белыми ажурными перилами на второй, третий этаж, по пути разглядывая яркие сочные акварели на стенах. Какое-то время ждала директора у кабинета. Услышав внизу мужские голоса, спустилась. Разговаривали два человека. Один из них в свободном плаще и в шляпе, с сигаретой в руке, особенно притягивал взгляд. Говорил он низким голосом и похож был и на Жана Маре, и на агента 007. Мужественное лицо с высокими скулами, пронизательный взгляд. В серых глазах глубина, легкая ирония и веселость. Так я встретила своего учителя – Георгия Николаевича Антонова. Несмотря на то, что был уже октябрь, Антонов взял меня в свою группу. Занятия шли по расписанию, но опаздывать было можно. Так как все мы учились в старших классах и порой, еле успевали из одной школы в другую. Нам каждому выдали по коробке красок «Ленинград» и по большой беличьей кисти.

Георгий Николаевич не находился все время с нами, он был очень занят своими директорскими делами. Бывало так - с порога произносил фразу-задание, например : - «Там царь Кашей над золотом чахнет» и исчезал на какое-то время. Появлялся, хвалил счастливых, снова давал задания, и снова исчезал. За день мы могли разработать три-четыре темы. И царевна-Лебедь, и дуб зеленый с русалкой на ветвях, и кот ученый и многие другие задания развивали наше воображение. Неудавшиеся работы шли на палитру. Некоторые самые первые композиции Георгий Николаевич сложил в отдельную папку и спустя год показал нам. Вместе от души повеселились.

Чем больше мы занимались, тем сильнее была потребность в работе, в общении с нашим любимым учителем. Ставили натюрморты и прибегали почти каждый день, а выходя из школы, мысленно продолжали живопись, раскладывая на цвет мокрый асфальт, стены домов, отражения в канале.

Когда Георгий Николаевич входил в мастерскую, всегда ожидали чего-то необычного. Иногда он заходил с железной пилой и издавал ею такие скрежещущие звуки, что просто передергивало. Так он давал понять на что похожа жуткая живопись. Наши взгляды были всегда прикованы к нему. Одна из учениц восторженно глядя на него, автоматически продолжала писать помидор. Это всех рассмешило.

Георгий Николаевич мог похвалить работу и тут же так сказать о недостатках, что с радостью брали новый лист и начинали с начала свежее и лучше. Он окрылял, давал силы.

Однажды он сказал, что все девчонки, которые хотят серьезно заниматься живописью, должны обстричься наголо. Я пошла в парикмахерскую у гастронома и веселая девушка, подняв мои роскошные длинные волосы, резко полоснула по ним бритвой. Увидев меня в школе, Георгий Николаевич сказал: - «Ничего, энергичненько».

Порой, за некоторые заслуги мы получали прозвища. Был и Большой Билл, и Паганини, Сальватор, Брюллов, Леонардо, Холик, даже Таня-макаронина, так как писала длинными масками. На до мной тоже подшучивал. Одно время называл Эдит Пиаф, а позже, когда прибежав с занятий из училища, одной полустертой кистью написала портрет Наиля Кугушева, прозвал Франц Хальсовичем и похвалил : -«Молодец, пишешь как настоящий мужик».

Бывало, встав в пол оборота и таинственно посмотрев на нас, войдя в роль произносил: -« Тамань, самый скверный городишко из всех приморских городов на юге России. Я там чуть-чуть не умер с голоду, да еще вдобавок меня хотели утопить».

Я очень любила Лермонтова, и давно «проживала» эти сцены. Георгий Николаевич легко вписывался в мое воображение.

Интересные были задания по росписи досок. Рисовали цветы, фрукты, натюрморты. Очень красивые росписи получались с радужной форелью на фоне солнца. Вся стена одной из мастерских была завешана этой красотой, когда в школу пришел японский консул. Георгий Николаевич предложил ему выбрать одну из досок в подарок. Как же трудно было определиться, выбор падал то на одно, то на другое изображение.

В школе расписывали даже небольшой шкаф. Рядом с кабинетом на стене висела доска, на которой на фоне красного плаща были изображены древнерусский щит, мечи и шлемы.

Однажды Георгий Николаевич из старого полуразвалившегося шкафа буквально ногой выбил обратную сторону, поставил её к стене у своей большой мастерской и думал, кому бы поручить роспись. Выбор пал на меня. Работа шла здесь же, в коридоре. Доска была прислонена к перилам и каждый мог видеть как шла работа. Сначала, почти по центру, был написан кувшин с подсолнухом. Под ним ветка с синими сливами. Выполнив задания, данные учителем, я стучала в кабинет. Георгий Николаевич выходил, одобрительно и говорил что и где еще нарисовать. Грибы, ягоды, фрукты, цветы, насекомые, чего только не было. Куриная слепота и жуки бронзовки, даже зеленая навозная муха, которая получилась чересчур большая и была прозвана летающим крокодилем. Работала я быстро, так как хорошо знала природу. Георгия Николаевича это радовало. Он удивлялся, что так скоро справлялась с заданиями, и нагружал меня еще больше. А я еще больше любила то, что любил он, - и пижму с желтыми гроздьями, и бабочек – лимонницу, крапивницу, адмирала, махаона, павлиний глаз. Все они были на доске. Очередь дошла и до букета васильков в стеклянной вазе с двумя золотыми полосочками. Долго в глазах били одни васильки, даже снились всю ночь. Поле деятельности было большое. Георгий Николаевич то и дело давал новые задания. Получилось настоящее лето. Так и назвали. Потом покрывали доску густым мастичным лаком и смотрели как что-то становилось ярче, а что-то темнело, но все равно было красиво.

В этнографическом музее как раз открывалась выставка и вместе с другими работами панно «Лето» отправилось туда. В школе оно все годы висело на стене над лестницей, напротив того места, где создавалось.

Через год-второй обучения ребята из нашей группы поступили в училище Серова (ныне Рериха), потом кто в Академию, кто в «Муху», отслужив в армии.

Мы продолжали приходить в школу и заниматься живописью. Георгий Николаевич рядом со своим кабинетом открыл для нас небольшую угловую мастерскую, где хранился реквизит. Допускались сюда только избранные, те кто по-настоящему любил живопись. Писали натюрморт, друг друга. Однажды поставили большой букет роз. На ночь завернули в газету и опустили цветами вниз в таз с водой. На следующий день, не зная что ожидать, развернули газету и с радостным изумлением увидели упругие свежие бутоны со сверкающими каплями на них. Георгий Николаевич воскликнул : -« Понял! На ночь надо морду в газету и в таз! Утром буду такой же!». Он все время шутил. Рассказал, как однажды его укусила собака и пришлось сделать сорок уколов в живот от бешенства. Медсестра была очень серьезная и все не удавалось ее рассмешить. И только когда безнадежно сказал, что теперь нельзя есть суп, живот как дуршлаг, макароны остаются, а бульон выливается, у медсестры задержался подбородок, потом плечи, и наконец она прыснула от смеха.

В мастерскую приходили работать Наиль Кугушев, Елена Буянова, Анна Сорокина, Семенов Петр, Татьяна Собянина, Алексей Филиппов, Андрей Корольчук, Алексей Самойлин, Наталья Раевская, Инна Яковлева, Александр Никитин, Людмила Кочнева, Андрей Троицкий и другие. Многие бывшие ученики заглядывали в школу. Приходил Петр Францевич Батраков. Рассказывал, как мальчишкой бегал на занятия в драных штанах. У одних дыры на коленях, у других на сидении. Так и одевал, меняя по очереди, то одни сверху, то другие, чтобы дырки не светились.

Георгий Николаевич первым подготовил его и отправил в московское издательство с прекрасными рисунками для детской книги. Потом был Андрей Ильин, закончивший Академию художеств. Третьей была я. Учитель дам мне тему – цветы и бабочки. Я подготовила много листов с рисунками. И операция под кодовым названием «Махоон» была запущена. Приехав рано утром в Москву, я попала под мелкий морозящий дождь со снегом. Ветер сдул с меня кепку, по ней три раза проехал грузовик. Я села на скамейку, прижимая к себе папку с работами. Рядом пристроился большой черный лохматый пес. Мы съели пирожок с сосиской и отправились бродить по городу. Было сыро, пробирало от холода. В издательстве меня приветливо встретили и через какое-то время я стала получать заказы. Георгий Николаевич называл нас спутниками. Он учил так, что работы не могли не понравиться. В одной из книг придумали сделать страницу с пауком крестовиком. Редактор Дина Федоровна Пчелкина не очень здорово отреагировала. Но когда по подсказке Георгия Николаевича я с легким грузинским акцентом сказала, что паучок будет брошечка, она рассмеялась и дала добро.

К Георгию Николаевичу приходили очень разные люди за советом, с радостью, горем, просто пообщаться по душам. Его любили и ему доверяли. Художники приносили эскизы и всегда находилось интересное решение.

В школе в то время преподавали Вера Евгеньевна Рябова, Власта Францевна Факторова, Наталья Александровна Орлова, Людмила Ивановна Орлова (Царева), Татьяна Александровна Ганжало, Галина Петровна Ефимова, Елена Ключкова, Нателла Ивановна Чекмез, Элина Васильевна . Позже пришли преподавать Петр Викторович Семенов, Ольга Александровна Еремина и Нина Егоровна Вуколова, ставшая завучем. После окончания художественного училища Георгий Николаевич и меня позвал преподавать, чему был очень рада – приходить в любимую школу, да еще и деньги получать. Через какое-то время Елена Буянова, Наиль Кугушев тоже стали преподавать. Каждый из нас был по-своему интересен, вместе составляли мощный коллектив. Ежегодно в Этнографическом музее проводились выставки работ учащихся всех художественных школ Ленинграда. Работы наших учеников всегда были очень высокого уровня. Все, кто хотел, поступали учиться дальше с легкостью сдавая экзамены.

Георгий Николаевич акварелью не писал, но мог выправить любую работу. Баба Яга и Леший были образы над которыми он трудился, делая эскизы, находясь в поисках наибольшего выражения. Иногда мы находили разорванные картоны, тихонько собирали и рассматривали их. У меня сохранилось одно из ранних изображений Бабы Яги метрового размера. Горбоносая, с полуоткрытым ртом, словно исходило дыхание ада. На седых космах лопух с чертополохами, с плеч свисает половик. Страшная, с желто-зелеными глазами. А зрачки как у козы-черточками.

Как-то вышла из мастерской, несколько учеников сидели кто на стуле, кто на ступеньках, ведущих в зал. Георгий Николаевич вынес большой двухметровый холст с изображением Лешего, сидящего на камне, поросшим мхом. У ног в кустиках черники и брусники заяц. На ветках рябины с красными гроздьями пристроились сороки. В ручищах у Лешего свирель. – «Пальцы у него толстые, но чуткие» - сказал Георгий Николаевич. Меня глубоко тронули эти слова. Вот оно, настоящее!

Поздно, когда ученики расходились, Георгий Николаевич начинал работать сам. Выкурив одну, другую сигарету, внутренне сосредоточившись, как бы сконцентрировав силы брал большую кисть и мощно наносил изображение. Смело, весело, с необычайным чувством юмора шла работа.

Вернувшись из Италии, он написал картину под впечатлением о Караваджо. Но вместо юноши с виноградом на голове появилась огромная рясина, краснощекая русская морда деревенского парня, белобрысого, с

выгоревшими на солнце волосами, с селедкой и редиской на голове. В руке – граненый стаканчик. Смотрит с ухмылочкой, сейчас тяпнет водочку. Так и называли «Русский Бахус».

В первый же день приезда Георгия Николаевича из Италии, на дверях его кабинета появился лист с надписью крупными буквами- в Италии живут итальянцы и итальянки!!!

Было много интересных рассказов, всем преподавателям привез гроздь бус из венецианского стекла. Нарисовал большой сапог и по жребью доставались подарки, лежащие на Флоренции, Венеции, Пизе, Риме, Неаполе и так далее. А вечером рассматривали слайды и пробовали разны вина и ликёры из маленьких разноцветных бутылочек, привезенных из такой прекрасной страны.

В Новый год, 23 февраля, 8 марта, в дни рождения и майские праздники, в школе устраивались праздники. Приносили из дома кто что мог – пироги, салаты, грибы. Обожали картошечку Нателлы Ивановны, запечённую в коже с начинкой и зеленью. Георгий Николаевич всегда был главной душой компании. Он мог пропеть арию, был интересным рассказчиком, остроумно шутил, и даже в семьдесят лет его коронным номером был вертикальный шпагат. Часто можно было услышать его голос – «И жизнь хороша! И жить хорошо!», и добавлял –«в городской художественной школе», и иногда еще тихо добавлял –«До поры, до времени...».

Как-то раз под Новый год в школе внизу раздались звуки гитары. Кто-то красиво перебирал струны. По лестнице поднимались «цыганки» в длинных юбках, сапогах-чулках. Одна в кремовой блузе со старинным кружевом, красивая, с цветком в длинных русых прядях волос, несла корзину с фруктами, вином и шампанским, видневшимися из под переброшенного сверху павлопосадского платка с розами на белом фоне. Другая девушка – темноволосая, кареглазая прижимала к себе завернутое в шаль «дитя». Следом поднимался сам Валерий Агафонов. Это бывшие ученицы Георгия Николаевича устроили настоящий праздник. Был сооружен большой стол, украшенный настоящими фруктами и муляжами, живыми цветами и искусственными. Рядом с Валерием Агафоновым стоял только стакан воды. Мы слушали песни до глубокой ночи, сердце разрывалось, смеялось и плакало. Все было пропитано духом любви, упоения. Это было невозможно здорово, глубоко, пронзительно, сердечно. Всех переполняли эмоции и так было хорошо на душе! Певец после каждой песни отпивал глот воды, девушка с длинными русыми волосами что-то шептала ему на ухо и он начинал новую песню. «Цыганка», сидевшая рядом со мной, говорила о жизни, Георгий Николаевич бережно окутал мои плечи шалью. Время от времени он выходил курить от избытка чувств. Мы задумали еще позвать

Валерия Агафонова к нам в школу, устроить праздник с красивейшими декорациями. Вдохновленные, буквально ошаренные таким живым пением, уже видели картоны с брошенными на них сюжетами, горячо, глубоко, ярко Георгий Николаевич обрисовал словами то, что мы сделаем... Не успели... Вскоре, Валерия Агафонова не стлало.

Только глубокой ночью все разошлись по домам. Обычно, закрывая школу, мы выстраивались напротив дверей. Георгий Николаевич дважды провернув ключ и постучав им по замку, называл имя последнего из упоминаемых художников, как бы поручая ему на ночь школу. Затем звучало «Выше Фудзиямы, ярче тысяч солнц!» и мы кланялись школе. Шли до большого тополя у Банковского мостика, где снова, глядя на школу сквозь свисающие ветки старого дерева, повторяли ритуал и продолжали путь до Гороховой 34, где жил Георгий Николаевич.

Раз в неделю к нему приезжала Матрена Ивановна – Мотя, как называли ее в семье. Маленькая худенькая старушка в белом платочке с живыми умными глазами. Еще юной девушкой она прижилась в семье, помогала по дому, возилась с маленькими детьми, да так и осталась няней Георгию Николаевичу на всю жизнь. Комната в коммунальной квартире, где жил Георгий Николаевич, преображалась после того, как Мотя брала тряпку и перекрестившись, со словами «глаза боятся, руки делают» мыла, терла, драила все вокруг. Георгий Николаевич, собирая старой кистью пепел в кучку на полу, вносил лепту в уборку, покуривая и приговаривая – «художник все должен делать кистью – и тарелки мыть, и пол подметать, и воротнички рубашки отмывать». После титанических усилий Моти, наступали шик, блеск, ляпота! Апофеозом всему был прекрасный обед, после которого придя в школу, Георгий Николаевич поднимаясь по лестнице, при встрече с педагогами закатывал глаза и просил какое-то время его не беспокоить. Все понимали и давали ему время прийти в себя. Правда, после того, как горы художественного беспорядка значительно уменьшались, Мотя получала нагоняй. Ведь вместе с мусором исчезали груды газет и мятой бумаги в изломах которых виделись образы Бабы Яги и прочее, прочее, прочее. Уезжая, Матрена Ивановна каждый раз шла в Никольский собор и горячо молилась за здоровье любимого Гоге и за упокой души его родителей – Марии и Николая.

Отец Георгия Николаевича был энтомологом, по работе получал назначения на новые места, и вся семья переезжала, поселившись однажды в Ереване. Там и попала в руки школьника Георгия книга-учебник по рисованию профессора Алексея Петровича Эйснера. Георгий Николаевич рассказывал, как выполнял задания и отправлял их по почте в Ленинград самому профессору. В ответ получал письма с подробным разбором, замечаниями и

пожеланиями. Переписка продолжалась. Георгий Николаевич рассказывал с каким удивлением он читал ответы учителя. Казалось, что тот сам стоял за спиной во время работы и наблюдал все трудности. (После ухода Георгия Николаевича в мир иной его родной брат Владимир Николаевич Антонов передал мне эти письма. Я их бережно храню).

Об Алексее Петровиче Эйснере, его огромном вкладе в русскую культуру можно прочесть в интернете. Сам Достоевский приходил в дом к Эйснерам. Алексей Петрович позвал Георгия Антонова учиться в Ленинград и жить у него.

До войны Георгий Николаевич учился в ИЗОРАМе. Я встретила одну женщину, Аделину Яновну Кют, которая хорошо его помнила по учебе. «Он был необыкновенный», - вспоминала она, - «вокруг него всегда было оживленно, раздавался смех, шутки. Стихи Блока он читал с розой в ботинке».

В школе я прикрепил цветок к туфельки и прошла мимо глубоко задумавшегося учителя. Он рассмеялся и столько воспоминаний было о том довоенном времени!

Мы слушали музыку. «Знаешь, как я открыл для себя Шопена? В конце войны, чуть живого, больного малярией, долго-долго везли в санитарном поезде. Лежал в госпитале в каком-то поселке. Когда смог впервые подняться, пошел по дороге к станции. Было часов пять-шесть вечера, солнце уже не жгло и все было пропитанного его теплом – трава, деревья, воздух и музыка, которая лилась из прикрепленного к столбу громкоговорителя. С тех пор, когда я слушаю Шопена, появляется это ощущение вечернего солнечного тепла и ... жизни».

Георгий Николаевич был городским человеком, но очень любил природу. «Зеленая-зеленая трава...» - напевал он слова из известной песни.

В августе мы уезжали с моим маленьким сыном и Георгием Николаевичем в деревню. В дождливые дни слушали радио. Шли передачи о Святом Сергии Радонежском. Мне казалось, что это Георгий построил свою обитель, и свет божественного разума был с ним. В реке плескалась форель, сквозь разноцветные камешки прорастали незабудки, шмели перед дождем засыпали в колокольчиках. Ухала сова и большая розовая луна медленно поднималась от земли.

А в сентябре снова начинались занятия. Антоновская школа принимала новых учеников. Вечером в кабинете директора все становилось золотисто-розовым и лиловым от заходящего солнца. В канале отражались грифоны с золотыми крыльями, летели осенние листья и с улицы казалось, что Георгий

Николаевич ходит по потолку. Закрывая школу, он стучал ключом по замку «Кого последним упоминали? Врубеля? Коровина? Франца Хальса? Константин Алексеевич, мы пошли!». И шутил, добавляя – «вот, еще на один день ближе к отпуску». «Выше Фудзиямы! Ярче тысяч солнц!». Мы кланялись и шли до Гороховой, смеясь и дурачась, шлепая по лужам, провожая нашего любимого учителя.

Апрель 2018 год.